

РАВИЛЬ САФИУЛИН

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ
ЖУТКИХ РАССКАЗОВ

Равиль Сафиулин

Клуб любителей жутких рассказов

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63113716

Аннотация

...Он вдруг встретился с пустыми глазницами истлевшего от времени мертвеца. «Ну, что уставился? – прохрипел скелет до боли знакомым голосом, – своих не узнаешь?» На страницах этого сборника оживают самые невероятные мистические фантазии, от которых по спине бегут мурашки. Хотя, может статься, это пауки. Или кто-то гораздо более страшный. Здесь возможно все. Здесь встречаются удивительные персонажи. Девочка, способная в буквальном смысле стирать людей из жизни. Призрак старухи, вернувшийся с того света, чтобы отомстить. Коварная красавица, которая превращает мужчин в ходячих мертвецов. Людоеды, затеявшие опасную игру. Они уже ждут вас. Добро пожаловать в клуб любителей жутких рассказов!

Содержание

Равиль Сафиулин	4
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Равиль Сафиулин

Клуб любителей жутких рассказов

...Вагон на поворотах слегка покачивало, за окном проскакивали голые деревья, сиротливо сбившиеся в кучу, затем белым сплошным пятном пошла снежная степь. Длинная зимняя ночь под мерный стук колес почему-то не располагала ко сну. Внизу, на нижних полках, шептались две молоденькие девушки. Видимо, студентки, решившие на каникулах навестить родные края. Средних лет мужчина с верхней полки тяжело вздохнул: «Что, девоньки, не спится?». Одна из них неожиданно бойко и громко ответила: «Скучно, дяденька, утра дожидаться, хоть бы сказочку нам какую-нибудь поведали!». И звонко рассмеялась. «Да нет, милые, не горазд я на это, а вот одна история, со мной приключившаяся, до сих пор занозой в сердце сидит», – грустно и печально заговорил попутчик. Тут вдруг зашевелился его сосед сверху, худенький парнишка: «Расскажите, пожалуйста, нам будет интересно, – и время пройдет быстрее». И с общего согласия, самый старший в купе вагона начал свой рассказ...

«Вы еще, наверное, в детских кроватках почивали – и об этих лихих годах знаете лишь понаслышке. А мы тогда всякого хлебнули! Вернулся я из армии в наш захолустный городок – и будто в другой мир попал, непривычный и незнако-

мый. Даже в нашей коммуналке творилось неведь что: каждый уголок в коридоре был завален ящиками с какими-то деталями, коробками с безделушками. «Это бизнес, сынок», – крепко обнимая меня, говорил отец, – завод накрылся медным тазом, работы нет, вот и скребемся по жизни». Мама виновато улыбнулась: «И угостить-то тебя нечем», – но любимые пирожки со смородиной, горкой лежащие на узорчатом блюде, уже поджидали меня...

Мать мыла подъезды, я по большому благу устроился на автомойку, а отец вдруг развил бурную деятельность. Однажды под вечер он пришел навеселе и с порога хвастливо заявил: «Эх, заживем теперь как люди!». И, сунув руку за пазуху пиджака, вытащил на свет увесистую пачку денег. Мы с мамой опешили, она недоверчиво спросила: «Это все наше? Неужели заработал?». Папа принял горделивую осанку...

Должно быть, я чего-то не понимал в происходящем, поэтому воспринимал дальнейшие события с некой тревогой. Мое беспокойство передалось и матери. Достаток в доме, зависть соседей – все казалось временным. И совсем не ощущался вкус сытой жизни, которую обеспечил нам отец. А потом он пропал. Прошла неделя, другая, мы пошли в милицию, где нас встретил сержант в помятом кителе, на котором блестели жирные пятна. Он равнодушно принял заявление, также безучастно пообещав, что этим делом скоро займутся. Это было дежурное вранье: в то темное и лихое время люди пропадали пачками, – и никто их не искал...

Прошел месяц, затем другой. Мама заметно осунулась, похудела. Однажды, вернувшись домой с работы, я застал ее плачущей. Оказывается, приходили какие-то бритые амбалы и требовали вернуть долг. Мол, отец деньги взял и смылся...

...Нас обобрали до нитки, выгнали из коммуналки, работу я потерял. Мы мыкались с матерью по пустым дачам, голодные, холодные. И едва не попали в неприятную историю. Черный джип остановился как раз напротив домика, где мы решили переночевать. Хотя страхи наши были напрасны. Он был из тех редких новых русских, в ком еще оставалась человечность и сочувствие. Не знаю, что его толкнуло на это решение, но этот высокий мужчина со спортивной фигурой неожиданно предложил временно пожить в его новой квартире, присмотреть за ней, навести порядок.

...Зима уже была на носу – и у нас не оставалось иного выбора, кроме как согласиться. Квартира была шикарной, просторной и теплой. Я выбрал комнату поменьше и после горячей ванны, сбросив давнюю грязь, постоянное напряжение, завалился на кровать – и словно провалился в бездну...

Проснулся ночью от странного ощущения, будто кто-то гладит меня по спине холодными руками. Я развернулся и потрогал стену. Она была ледяной, – и лунный свет даже выхватил узоры свежего инея. На душе вдруг стало муторно и беспокойно. С этим чувством я не мог заснуть до самого утра...

Так повторялось каждую ночь, пока я не решил передви-

нуть диван напротив злополучной стены. Однако она вновь напоминала о себе, мерцая белым, качающимся светом в темноте и роняя легкие снежинки на пол. А днем стена была влажной с огромным пятном посередине. Я ничего не говорил маме: она прихворнула – и пугать своими страхами было бы жестоко. Когда однажды к нам заскочил Петр – хозяин квартиры, показал ему странную стену. Он потрогал ее, брезгливо вытер руки носовым платком: «Завтра я приеду с человеком, пусть посмотрит, не нравится мне все это. Вот и верь после этого строителям».

Петр был человеком слова. Действительно, наутро он привел человека, назвав его мастером на все руки. Дока, дыхнув вчерашним перегаром и бросив на меня презрительный взгляд, пощупал стену. «Грибок, Петр Иванович, надо лопать, иначе – каюк, зараза дальше пойдет», – глубокомысленно произнес он.

...Удар кувалдой был настолько сильным, что полстены сразу же превратилось в труху. Из зияющей дыры показался огромный, местами порванный, полиэтиленовый мешок. Мастер потянулся к нему и дернул за верх. Мешок раскрылся – и на пол вывалился полуистлевший человеческий скелет в остатках одежды...

Наступила мертвая тишина: жуткое зрелище подавило все чувства! Мы стояли бледные и притихшие. Первым пришел в себя Петр, нагнулся к мешку и поднял какой-то документ. Это был полуистлевший паспорт, который он зачем-то про-

тянул мне. Я дрожащей рукой стряхнул пыль, открыл первую страницу – и словно током ударило в сердце! С фотографии на меня смотрел отец...».

...В купе все молчали. Каждый углубился в свои мысли. Снежная степь за окном сменилась редкими домиками, пробегающими перед глазами. Странно, ни в одном из них не горел свет. Паузу прервала бойкая девчушка: «А вы знаете, со мной недавно случилась история, от которой до сих пор мурашки по телу. Ночевала я как-то у родной тетки Дарьи в частном доме, припозднилась, – потому и пришлось остаться. Кровать оказалась узкой, все время боялась, что вот-вот упаду. Но ничего, вроде бы вздремнула и в полусне чувствую, что кто-то нежно гладит меня по голове, потом заботливо стулья подставил под спину, ноги прикрыл. И рядом присел, какую-то песенку замурлыкал. Ну, думаю, – это дядя Федя, он у нас чудной, – но добрый. Под его пение и заснула...

Проснулась я от громкого стука в дверь, потом послышались шаги и знакомый, с хрипотцой голос дяди Феди, явно недовольного, что ему пришлось ждать. Заметив мое присутствие, он виновато улыбнулся: «Извини, что разбудил». «А ты разве куда-то уходишь?», – удивленно спросила я. «Да он только-только с ночной смены вернулся!», – раздраженно ответила за него тетка Дарья. И тут такой страх закрался в меня, что аж ногам зябко стало! Ведь кроме меня и тетки в доме до этого больше никого не было...

Еле-еле дождалась утра, чтобы наспех, не попив предложенного чая, домчаться до остановки – и прыгнуть в уходящий автобус. Ближе к вечеру я отважилась и рассказала маме все как есть. Она отнеслась к этой истории удивительно спокойно: «Домовой это был, дочка, понравилась ты ему. А кого он невзлюбит, то всю ночь мучает, за губы больно щипает, выворачивает». Я представила себя с раздувшимися фиолетовыми губами – и решила: к тетке больше ни ногой...».

...Худенький парнишка свесил ноги с полки, бросил взгляд мимо пробегающей за окном ночи, глубоко потянул носом. «Вы знаете, я никогда не был суеверным, – его басок в темноте зазвучал немного забавно, – смеялся над всякой мистической чепухой, ничего не принимал всерьез. Другое дело – мой друг Вадик! Он старательно обходил блестящую монету, кем-то оброненную, боялся черных кошек. И однажды терпеливо ждал на морозе, когда дворник наполнит пустое ведро песком, чтобы со спокойной душой проскочить к дому. Я как-то не выдержал и сказал ему, что с таким завихрением в мозгах он может далеко уехать. Вадик лишь улыбнулся...

Они жили с отцом в приличной двухкомнатной квартире вдвоем, мать давно ушла от них. Стасик не любил рассказывать об этом, а я не спрашивал. Его отец работал дальнобойщиком, дома бывал редко, хорошо зарабатывал и баловал сына. Вадик тратил деньги самозабвенно, с какой-то

страстью. И покупал всякую ерунду.

Так в квартире у Вадика появилась однажды странная вещь: старинный кальян в форме извивающейся змеи. Он был возбужден, рассказывая, что приобрел его на барахолке. Совал мне под нос смеси с заморскими названиями: запах был дурманящим и давящим...

...Наша дружба как-то пошла на убыль. Теперь Вадик целыми днями отсиживался дома. Мягкий диванчик, кальян-змея на столике, легкая музыка – он словно растворился в этой обстановке, не желая ничего другого...

Я приходил к нему нечасто, а в этот раз уже с порога пожалел о своем визите. В квартире было душно и влажно, как в лесу после летнего дождя. Вадик кивнул мне головой, привычно лег на диванчик, приник к мундштуку кальяна, затем выпустил в потолок замысловатые колечки дыма...

Он ни о чем меня не спрашивал, лишь обмолвился, что скоро приедет отец, будет скандал. Вадик смутился, когда я заметил на его шее красную круговую полосу. Он промямлил, что плохо чувствует себя по ночам, будто кто-то душит, сжимая горло тисками...

... «Скорая» не довезла Вадика до больницы: он умер по дороге. Мы молча сидели с его отцом на том самом мягком диванчике, на котором еще недавно блаженствовал Вадик. Я заметил у ножки столика, где стоял кальян, блестящий кулек. Он неожиданно на наших глазах развернулся, и мы оба вздрогнули: это был кусок сверкающей змеиной кожи...».

«У меня ничего такого страшного в жизни не было, – прервала молчание хрупкая, почти миниатюрная девушка – подруга бойкой попутчицы. – И напугалась я по-настоящему только один раз. Но сначала – все по порядку. По воскресеньям к нам часто заглядывал папин брат – дядя Ваня. Веселый, разбитной, весь седой – он вносил в наш дом радостную сумятицу. Мог разыграть любого из нас, смешно пошутить. С ним было хорошо и приятно. И в этот раз, когда дядя Ваня с моим отцом пропустили по рюмочке, я, примостившись рядом, затаив дыхание, ожидала услышать очередную забавную историю. Но сегодня он, видимо, был не расположен к шуткам. А все началось с того, что мама вдруг вспомнила, как здорово когда-то ему шла милицейская форма. Дядя Ваня сразу помрачнел, потом вытянул папиросу из пачки, лежащей на столе, и закурил...

«Я ведь никому не говорил, почему бросил работу участкового в родном селе, где меня все уважали и ценили, – нервно затянувшись, заговорил он. – А недавно на улице встретил парнишку, как две капли похожего на того, из-за которого бросил все и подался в город...

Наше село, окруженное густым лесом, мелкими речками и озерцами, казалось мне раем. Даже единственная дорога в район, вдрызг разбитая тракторами, не портила настроения. Работа была спокойная, тихая – даже на праздники подвыпившие мужики вели себя смирно, не ругались и, Боже упаси,

си! – не дрались. Досаждал лишь сын моей соседки Дарья – Петька, норовивший где-нибудь нашкодить, стащить по мелочи, и все со смехом вернуть хозяину или хозяйке. Дарья, нагулявшая его от строителя-шабашника, наверное, злилась на всех мужиков. И, должно быть, по этой причине, Петьку не жаловала. Статная, привлекательная и еще молодая Дарья многим нравилась на селе. Но подступиться к ней было невозможно: она могла уязвить словом, опозорить любого мужика...

...Петька опять попался на мелкой краже. Я по привычке сидел с ним рядом на крыльчке и вел, набившую оскомину, «профилактическую» беседу. Калитка едва не слетела с петель: ворвавшаяся во двор Дарья, метнулась к сыну: «Опять? Не учишься, толком не работаешь, всю душу мне выжрал!». Петька ждал, когда она выговорится, выпустит пар. Но не тут было! Красные пятна пошли по ее лицу, – и она выпалила: «Да чтоб тебе, балбесу, непутевую голову оторвало! Мне легче станет!». И столько злобы было в ее голосе, что Петька как-то побледнел, съежился, превратившись в беззащитного мальчишку. Он встал и понуро поплелся, куда глаза глядят...

...К вечеру разыгралась гроза. Ветер будто бешеным вихрем носился по лесу, под корень ломая молодые березки. Сверкала молния, от раскатов грома дребезжали окна в доме.

... Раздался стук в дверь, тревожный, неприятный. «От-

крывай, Иван Петрович, беда! – услышал я голос Степы – шофера единственной в селе полуторки, – Петьку трактором задавило!».

...В день похорон в дом Дарьи никто не заходил: все толпились у крыльца и ждали, когда она простится с Петькой. В притаившейся тишине вдруг зазвучала колыбельная. Я заглянул в раскрытое окно – и обмер! На стуле сидела поседевшая женщина, баюкая в руках знакомую кудлатую голову...».

...Поезд замедлил ход – приближались к станции. Уже светало, в купе никто не спал: каждый думал о своем...

...В дверь постучали и вошли. Миловидная проводница привычно, но приятно пропела: «Кому чаю, чаю кому!». Когда все встрепенулись и привстали, добавила чуть кокетливо: «А я ночью краешком уха слушала ваши разговоры. Ой, как обожаю страшные истории! К обеду забегу, расскажу парочку таких. Если, конечно, не против». Первым закивал в знак согласия худенький парнишка с верхней полки: девушка ему определенно понравилась...

...Поезд отошел от станции, прибавил ход. И уже под ровный, мерный стук колес, после короткого сна, небольшого перекуса с душистым чаем (постаралась проводница Настя!), в купе снова заговорили на старую тему. Настя, как и обещала, вернулась к пассажирам, присела на краешек нижней полки. И, забавно собрав пухлые губы в дудочку, она начала

свой рассказ.

«Юра – мой муж (легкая тень разочарования пробежала по лицу худенького паренька с верхней полки) поведал об этой истории только после смерти матери. И я ее хорошо запомнила».

«...По весне в нашем совхозном поселке стояла большая вода, доходившая почти до крыльца и доставлявшая нам немало хлопот. Чтобы выбраться до автобусной остановки, нужно было нащупать ногами прежнюю дорогу и осторожно двигаться по ней, рискуя каждый раз набрать полные сапоги. Майские пригожие дни, за которыми уже маячило лето, принесли нам, мальчишкам, первые радости. Огромная, похожая на баржу, моторная лодка возила с уцелевших от затопления полей свежий урожай красной сладкой редиски. За сбитыми в ровные ряды ящиками, заполонившими ее корму, как-то умещались женщины, сопровождавшие этот груз. Среди них была и моя мама, чье любопытство вскоре станет началом темной истории, изрядно потрепавшей ей нервы.

Как рассказывала потом мать, ничто в этот день не предвещало плохого. Моторная лодка тихо катила по воде, которой не было конца и краю. Она сидела у самого борта, – и от нечего делать – рукой подхватывала плывущие мимо зеленые ветки. И вдруг ее пальцы наткнулись на нечто мокрое и скользкое. Она быстро отдернула руку. Однако нет на свете сильнее женского любопытства! Мама ткнула черенком лопаты в это «нечто» – и по правую сторону медленно плыву-

щей лодки неожиданно всплыл утопленник! Бедная женщина была готова от ужаса забиться между ящиками и окопаться в редиске, проклиная свою «любопытность».

...Это был труп известного всем в поселке объездчика Тюхтея. Когда его поднимали из воды, мама невольно бросила взгляд на утопленника. И оцепенела от страха! Ей показалось, что покойник даже одобряюще подмигнул глазом. Дескать, спасибо за помощь, а то сгинул бы где-нибудь на дне без вести.

С этого момента для моей мамы началась кошмарная жизнь. Тюхтей снился ей почти каждую ночь: он будто прилипал к окну раскоряченным телом, таращил мертвые глаза и шептал: «Галя, Галя». Я чувствовал, что с мамой творится что-то неладное. По утрам она тщательно отмывала окно и, к моему удивлению, в комнате пахло речной тиной и рыбой. Я как-то сказал ей об этом. Мама заметно побледнела, но посвящать меня в свои страхи не стала. Избавиться от ночных кошмаров ей поможет местная бабка Ковалиха, которая славилась тем, что знала кучу заговоров на все случаи жизни. За пачку индийского чая (по тем временам – большой дефицит!) бабка дала ценный совет: сходить в полночь на могилу Тюхтея, крепко выругаться и плюнуть три раза в его сторону. Мать так и сделала. И больше ее не досаждали темные, пугающие сны...».

...Настя перевела дух, потом поправила прядь светлых волос, свисающих над лицом, и ее нежный голос зазвучал

ВНОВЬ...

«Мой папа, обычно спокойный и невозмутимый, в этот раз вернулся домой обеспокоенным, каким-то даже опустошенным. И когда он вытащил из буфета заветную бутылку дорогого коньяка, мама удивленно подняла глаза: такое за ним водилось редко, чтобы в обыденный день взять и пропустить рюмочку...

...Прошло томительных полчаса, пока папа не пришел в себя. Мы подсели к нему поближе, тревожно ожидая дурную весть. Папа виновато улыбнулся: «Да ничего страшного со мной не произошло, просто подвело любопытство. Дом этот проклятый чуть с ума не свел...

...Он стоял на отшибе, одинокий, сиротливый и пустой. Это странное четырехэтажное здание со сквозными подъездами, с уцелевшими рамами окон, явно доживало свой век. Ветер вихрем носился по комнатам, выметая пыль и остатки газет, заставляя дрожать крышу и ветхие стены.

Волею случая я сегодня заглянул в этот дом: июльская жара заставила меня искать временное прохладное пристанище. Выбрал первую же попавшуюся комнату – и был неслышанно рад. Старый, но еще крепкий табурет, сбитый, наверное, умелым хозяином, и длинный дощатый стол располагали к тихому уединению. А грязь и пыль я быстро убрал какой-то тряпицей, которую подобрал на полу.

...Легкая дрема приятным облачком навалилась на глаза. Примостившись на табурете и положив голову на стол, я за-

былся коротким сном. И лучше бы этого не делал! То ли в дреме, то ли во сне я почувствовал, как пришел в движение дом. Захлопали двери, послышались детские голоса, где-то на кухне разбилась посуда, кто-то незримый прокатил мимо меня на велосипеде. А потом вдруг наступила тишина, тревожная, навевающая тоску и печаль. Я попытался проснуться, даже шевельнул ногой, чтобы удариться о ножку стола и привести себя в чувство. Однако, все усилия были напрасны! Неожиданно скрипнула дверь, и в комнату вошла маленькая сухонькая старушка, в сереньком платьице и повязанном на голове белым платочком. Шаркая ножками, обутыми в валенки, она приблизилась ко мне и погладила по голове. И я ощутил вдруг страшный холод костяшек ее пальцев...

В моем помутившемся сознании ни с того ни с сего замелькали какие-то человеческие образы, а по полу, (я явно видел это!) толкая друг друга, задвигались-заползали гигантские тени. От этого кошмара меня спас рев мощного мотора грузовика, невесть откуда взявшегося на пустынной улице...

Я проснулся от шума, и, с трудом перебирая ноги, выбрался на белый свет. Лучи яркого, жаркого солнца вернули меня к действительности. Позже я узнал, что о доме на отшибе ходила дурная слава и даже бомжи не осмеливались устраивать здесь ночевки...».

Худенький парнишка с верхней полки, наверное, захотел

напоследок произвести впечатление на милую проводницу. И как примерный школьник с задней парты поднял руку, чтобы его все увидели – и, конечно же, услышали.

«В детстве я часто гостил в деревне. Бабушка с дедушкой меня особо-то не опекали, и я радовался свободе, вольной жизни. Поэтому лето пробегало так быстро, что не успевал даже заметить его. Домой приезжал «с карманами», полными впечатлений. И одна история, приключившаяся со мной, до сих пор стоит перед глазами.

...Почти полностью обгоревшая, едва державшаяся на черных головешках, казалось, готовая рассыпаться от легкого дуновения ветерка, – эта баня пугала своей ветхостью и какой-то будоражащей душу страшной тайной. За ней закрепились дурная слава: по ночам, особенно в дождливые дни, отчетливо слышалось, будто кто-то нещадно хлещет себя веником и крикает от удовольствия. Я всегда, даже днем, быстро пробегал мимо нее, боясь оглянуться на ее зловещие останки. Считать себя смельчаком в восемь лет, когда ты еще не вышел из бабушкиных сказок, было бы совсем нечестно! И однажды случилось событие, которое я запомнил на всю жизнь и, которое навсегда врезалось в память...

...Барабанил дождь по крыше местного клуба. Мы, презрев стулья, лежали на теплом полу возле «буржуйки» и снизу вверх смотрели на белый экран, где шел набивший оскомину фильм про коммуниста, валившего в одиночку лес. И с нетерпением ждали того момента, когда кулаки начнут па-

лить в него из обрезов, и мы начнем изумляться тому, как он, смертельно раненный, находит в себе силы несколько раз встать на ноги и пугать врагов своей живучестью...

Но вот закончился сеанс, и все потянулись к выходу. А на улице шел дождь, успевший превратить дорожку к дому в вязкую глину. Как назло, никого из взрослых по пути не оказалось, и мне пришлось добираться одному. Мимо проклятой бани. Я шел будто с барабаном в груди: сердце от страха так стучало, что отдавалось в ушах! Однако это не помешало мне подобрать у забора кусок кирпича.

...За обломками чернеющей бани кто-то тяжело вздохнул и явственно кашлянул. С отчаянным криком «ура!» я помчался прямо на нее – и, что есть силы, – метнул в зияющую дыру кирпич! Раздался нечеловеческий дикий крик. И стая ворон с громким карканьем вылетела из пустоты. Как я добрался до дома, – не помню. Под утро к нам зашла соседка – тетя Дуся. И с порога сокрушенно заявила: «Васю-то моего вчера чуть не убили, голову проломили. Угроздило его в дурном месте нужду справлять»...

... Соседский Вася по пьяной лавочке через десяток лет угорит в собственной бане».

... «Настя, где тебя носит?!», – послышалось возле купе. Проводница всполошилась, испуганно заморгала длинными ресницами: «Это начальник поезда, Егор Сергеич!». Она не успела даже встать, как дверь купе резко открыли – и при

солнечном свете, отражающимся от окна, на пороге предстал перед всеми низенький, гладко выбритый дяденька в форменном темно-синем костюме, с фуражкой в руках. «Опять ты байки с пассажирами травишь», – устало протянул он, – ей богу, спасу от тебя нет». И уже потом Егор Сергеевич извинился перед пассажирами за свое вторжение. Настя было рванулась бежать, но ее остановил: «Подожди, стрекоза! Заскочи-ка в купе, что рядом с вами, и разберись. Там какая-то поэтесса скандал устроила: тошно ей, видите ли, среди пьяных мужиков ехать». Потом неожиданно обернулся к сидящим в купе: «Граждане! Может, пустите ее к себе на несколько часов, пусть отдохнет здесь бедная, люди вы, я гляжу, порядочные, мирные...».

...Она появилась в купе так, будто собиралась занять все свободные места. Высокая дородная женщина в длинном цветастом платье, едва не подметающем пол, в нарядной шляпке прошла вперед и удивительно аккуратно, плавно присела у окна. Потом обвела всех черными глазами и басом произнесла: «А теперь, здравствуйте, мои новые друзья! Иоланта, поэтесса, прошу любить и жаловать!». На роль бедной женщины, как представлял ее до этого Егор Сергеич, она явно не подходила. В купе наступило тягостное молчание: все успели ей только кивнуть на приветствие и робко застыли. Иоланта неожиданно весело расхохоталась и по-свойски ткнула пухлым локтем в соседку: «Чего, девонька, притихла? Не бойся, стихов читать не буду! Я теперь на прозу пере-

хожу». «Эй, красавчик, а ну-ка, сбегай за чайком, – дернула она худенького парнишку так, что он едва не слетел с верхней полки, – удружи дамам. А я не пустая пришла, с угощением». И поэтесса вытащила из пакета коробку конфет, положила на стол...

...В купе стало тесно, но уютно и как-то по-домашнему. Казалось, что бас Иоланты перебивает стук колес поезда и бешеный свист ветра за окном, предвещающий пургу. Уже вечерело. Иоланта достала из кармана необъятного цветастого платья изящную в кожаном переплете записную книжку: «А что, дорогие мои, не почитать ли мне вам прозу собственного творчества?», – и она окинула пытливым взором попутчиков. Девушки чуть ли не в унисон спросили: «Страшную?». Иоланта рассмеялась: «Не без этого! Ну так слушайте и внимайте своими чуткими ушами...»

«...Сидоров широко развел руками: «Красотища-то какая! Есть, где развернуться!». Он еще раз окинул горящим взором огромное поле, поросшее высокой травой вперемежку с одинокими молоденькими деревцами, не по возрасту раскидистыми, с густой листвой. Да, душа радовалась, что тендер выиграл именно он – Сидоров! Когда-то последний ученик, шалопай и бездельник, а ныне – уважаемый бизнесмен. Он уже представлял, как это бывшее городское кладбище, всеми запущенное и всеми давно забытое, превратится в современный жилой микрорайон.

...Мысли в голове зафеерили, дали волю фантазии – и Сидоров не заметил, как зацепился за кусок проволоки и упал. Густая трава мягко приняла его в свои объятия. Он глубоко, с удовольствием вдохнул ее пряный аромат, приник к земле. И неожиданно провалился лицом в черный проем...

...В полусвете, в этой дыре он вдруг встретился с пустыми глазницами истлевшего от времени мертвеца. «Ну, что уставился? – вдруг прохрипел скелет до боли знакомым голосом, – своих не узнаешь? Да не ворочай ты так глазищами-то, племянничек! Это я – дядя Петя!». И мертвец смрадно и радостно заржал в лицо обезумевшему от ужаса Сидорову...

...Сидоров пролежал без памяти до самого вечера. Легкий летний ветерок, наливающийся прохладой, привел его в чувство. Ватные от пережитого страха ноги волокли тело Сидорова домой, голова была пуста, все мысли, похоже, испуганно забились куда-то в один угол и боялись высунуться...

...После всех передряг, пережитого кошмара, после холодного отрезвляющего душа, свежий и бодрый Сидоров, сидя в кресле-качалке, уже подсмеивался над собой. А после третьей рюмки водки все происшедшее с ним мудро списал на солнечный удар, болезненное воображение и нервную усталость.

...Сидоров блаженно вытянулся в кресле, потом вспомнил, что нужно позвонить по делу. Он нехотя встал, поднял

брошенный второпях пиджак, сунул руку в карман за мобильником. И вместо него нежданно-негаданно вытащил помятую, початую пачку «Примы»!

...Это были любимые сигареты дяди Пети. Сам Сидоров давно не курил и берег свое здоровье до фанатизма...»

...Иоланта отпила немного чая из стакана, чтобы смочить осипшее горло, и приступила к следующему рассказу.

«...Шаткий мостик, скрипящий старыми досками, уже был близок. Под ним в ночи блестела крохотная речушка, белые лилии на воде схватывали на мгновение лунный свет и тут же исчезали в темноте.

Они шли по мягкой шелковистой траве. Худенькая девочка с черными глазами-блюдцами едва поспевала за матерью – высокой, молодой женщиной. Уже на мостике, пройдя его половину, они остановились, чтобы перевести дух.

... Кто-то ступил на доски, которые жалобно скрипнули. Женщина подняла глаза и заметно побледнела. К ним приближался босоногий старик в белой длинной рубахе почти до пят. Он шел не спеша, опираясь на суковатую палку.

...Они хотели было отвернуться от него, но неведомая сила сковала их тела, заставила подчиниться и застыть на месте. Он остановился напротив худенькой девочки, ласково потрепал ее по щеке, что-то шепнул на ушко – и улыбнулся. Старик был слеп ...

Они смотрели ему вслед, немного приходя в себя. Старик

сошел с мостика и продолжил свой путь вверх, по тропинке, ведущей к сельскому кладбищу. Его белеющая фигура долго блуждала среди крестов и памятников, пока не пропала вовсе...

Эта страшная и удивительная ночь имела странные, но приятные последствия. Девочка вдруг избавилась от постоянных головных болей, и теперь веселая и радостная вместе с подругами играла в догонялки...».

«Здорово!» – восхищенно произнес худенький парнишка, – классно написано!». Пухлые щеки Иоланты загорелись румянцем удовлетворенного тщеславия: в этом обществе она наконец-таки нашла всенародное признание...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.